

Михаил Рыбин

– ТРИ И НЕМНОГО ЧЕТЫРЕ –

* * *

Смокинг надел, отправляюсь в курильную.
От дыма невидно, ровны ли стены.
Я принял от главного трубку длинную,
Тянется струйка, как кровь по венам.
Тени колышутся, я на кушетке
Расслаблен лучше, чем мёртвое тело.
Видение льва в незакрытой клетке,
А я убегаю, совсем не смелый.
Проснусь, но вернусь и не раз обратно.
Пока перебыюсь папиросной гильзой.
Меня так нетрудно понять превратно,
Решить, что я крайне ничтожен и низок.
Но я и любимые бессердечны,
Грусть мне готовит в цветах катафалк.
А здесь удивления бесконечны,
Сметён опротивевший мыслям шлак.
Погибнуть не трудно, когда нет жизни,
Не принятый скрылся в свою одну.
Прощай, скромный отблеск от герба отчизны,
Мне радость и страх - покорять луну.

* * *

Хотели великих открытий,
Бороться, стремиться на крышу.
Но, братья, госпланы сверните.
Я флейты сомнения слышу.
Я близок к тому, чтобы сдаться,
Откинуть попытки подняться,
Постелью, едой насладиться.
Мне больше богини не снятся.
А снится абсурд комбинаций,
Тоскливые люди, поступки
И тьма одинаковых станций.
Да, вместо богинь - проститутки.
Мой разум, как люди, нищает.
Куда мне направить прицелы?
Где слава нам свет освещает?
Где люди, которые смелы?
Всё будет когда-то.
Со мною? - Не знаю.
Берусь за лопату
И просто копаю.

* * *

Ну, петля!
Спаси меня!
Табуретка, мыло, вервь.
В гроб вползает длинный червь.
Из уха вылетела маленькая муха...
Обвисло, охладело брюхо...
Больше нет у глаз орбит...
Тише, тише, мальчик спит.

* * *

Мы график функции,
Идеальный,
Великолепный.
Моя настурция,
Не будь переменной,
Будь только постоянной.
Моя константа,
Что может быть волшебнее,
Нами провереннее,
Чем радость
Поцелуя-банта.
Моя слабость,
Перед нами Вселенная,
Где не всему есть слова.
Ты права,
Пред тобой склоненная
Моя голова.

* * *

Посреди ночного бдения
Я услышал, зажигалась спичка.
На кухне еще высказывали мнения,
В двух километрах проносилась электричка.
Пахло свежим деревом.
Пахло серой и кальянным табаком,
Ночью ты мне себя доверила,
Хотя я был с тобой плохо знаком.
И я не пытался заснуть.
Из ночи, с потолка глядела нимфа.
Она просила ангела ей сунуть,
Но он не расстегнул ей даже лифа.
За кабанихой в лесу
Не глядя бежали поросята.
Утром я им принесу
Ключ от спокойной палаты,
И там мы поселимся вместе.
Мы будем есть кашу и писать стихи.
Мы будем мечтать о лете,
Как мечтали в союзе блаженные лохи.
А потом прикупим по гранате,
Каждый надевает столько шуму, сколько возможно.
Это будет наше маленькое "Нате!",
Мы натянем управленческие вожжи.
И будем вечно лежать на гвоздях,
Как гниющая рыба в сетях.

* * *

Мы знали тех странных болезненных девочек
Прекрасных, как слив молодой аромат.
Мы рвали их с тонких родительских веточек,
Пустел без того опустыненный сад.
Мы ели пирог из их мякоти нежной,
Мы ступками тёрли весной лепестки.
И стали они попадаться нам реже
На серых полянах капустной тоски.
Давай поклянёмся прощенья не спрашивать,
Давай переварим грехи до конца.
Надевший обязан ботинки донашивать,
Менять их заставит лишь страх наглеца.
Мы сами ролями разжились такими,
Дубинкой молотит друзей арлекин.
Не наша забота что стало с другими,
Подарим удары еще паре спин!
Умрём от обжорства, гулянок и пьянки,
Но глупо об этом печалится, дочь.
У нас появились Венерины ранки,
Но пенициллин нам обязан помочь.
Накормленный волк помышляет о лесе,
Не думай попробовать эту судьбу.
Уж лучше, как хищникам, в стае и вместе,
Так станет полегче и мне, старику.
Ты в дереве новом не сможешь прижиться,
Ты плющ ядовитый в природе своей.
В семейном покое тревожно нам спится,
И страшно смотреть на веселых детей.

* * *

Немного ритма
И я забуду.
Станет непобедима
Фарфоровая кукла вуду -
Вдребезги или жива.
Пытаясь вылезти с путей,
Вспоминая жизненные времена,
Извиняясь единственно Ей.
Но на грани
Не хватило места животу.
Как отрезали палец ставни,
Или норку зарыли кроту.
Да, однажды я был в гостях
У богини неуязвимой.
Мы хотели, но второпях
Промахнулись ножами мимо.
Новый уровень,
Конец игры.
Я бесконечно умирающий трутень,
Закрывающий новые миры.

* * *

Ты был убит не до конца,
И точно знал, что мог еще,
И до сих пор тепло свинца
Тревожит правое плечо.
Когда хирург извлёк заряд,
Ты под наркозом видел сон.
Но ты не счастлив, ты не рад,
Опять спасён, спасён, спасён.
Культия же ноет по ночам,
Мечтает сердце о боях,
Где спать ложатся по гробам,
Косы смертельной виден взмах.
Был рядом поворот в туннель,
В его конце был виден свет,
Но гроыхнула вдруг шрапнель,
Ты инвалид, а смерти нет.

* * *

Над болотом стоял золотой туман,
Отряд пробирался так далеко, как только позволяли сапоги.
Мы боялись, а вдруг подплывёт кайман.
Мы смеялись, нам сказали, где-то рядом штык вострят враги.
В джунглях была лишь одна тропинка,
Мы старались её держаться, но потеряли и уже не могли
найти.
Враг прознал, что у нас произошла заминка,
Окружил, открыл огонь. Мы вызывали помощь по рации,
просили спасти.
Теперь наши головы на окраине селенья
Насажены на колья - отпугивают злых духов и проклятых
захватчиков.
Я не погрузился в бесконечность и забвенье,
Я чувствую, как гниёт мой мозг, а глаз стал игрушкой для
деревенских мальчиков.
Я ощущаю каждую клетку бывшего тела,
Никто не знает теперь больше меня о материи и плоти.
Вот снова муха на кожу черепа села.
Если бы я мог, давно давился бы в блевоте.

* * *

Пока племя спускается вниз,
Кто-то прыгнул с обрыва сразу,
Зацепил головой о карниз
И мозги по стене размазал.

Труп стал пищей
Одинокого хищного животного-падальщика.
Он часто по дну в поисках добычи рыщет,
Сегодня он слопал сладкого мальчика.
А потом и его скрутило,
Он погиб, убитый паразитами,
Это очень красиво и мило,
Потому что тушка поросла гиацинтами.

* * *

По колено в жидкости разорванного шара
Я смотрю на блеск мачете и не верю, что он мой.
От удара разрешилась вся судьба резервуара,
Я хотел бы, чтоб виновником был кто-нибудь другой.
Светятся чешуйки задыхающихся рыбок.
Водоросли, камешки засохнут некрасиво.
Я создал на месте свой погибший птичий рынок,
Разобрался разом и с притоком и со сливом.
Как Садко, на дне я бил по струнам гуслей,
Очарованный великой красотой.
Но от зелени глубин становится нам грустно,
Человек не дышит под водой.

* * *

Пошли кататься по листве.
Мы веселимся осенью.
Травинки сохнут в рукаве.
Давай махатья косами.
Давай кидаться топорами,
Когда закончен сбор.
Мы снова стали дураками,
И в головах лишь сор.
Гниют и преют летние
Противные деньки.
Пошли мотаться вепрями
В овраге у реки.
Нажремся забродивших слив,
Пусть пена изо рта.
Когда ты пьян, ты не игрив,
Ты злющий сын скота.
Грубить и ненавидеть свет.
Плеваться на цветы.
Зубам цариц дарить кастет.
Но сдался рано ты.
А я буянил до конца,
Я лез на свой рожон.
Мой нож лишил меня лица.
Противно, я влюблён.

* * *

Ты закидала меня дровами,
Костёр в груди почти что потух.
Я не знал, на помойке живёт злой ками,
Там вырастает весной лопух.
Я был одинок под кустом не долго.
Клич бабуина меня исправил,
Я бензином залил, бросил спичку строго,
И костёр загорелся в грудной канаве.
В грязной от пепла полости
Убирается карлица-фея,
Ей не хватает уменя и скорости,
Но она быть упорной умеет.
Ей мешает противный кобольд,
Дымит табаком в лицо,
Он грязные ямы роет,
И они остаются рубцом.
Оттого я и чувствую дикие боли,
Когда повернусь на бок в полнолуние.
Меня будит крик, борода меня колет,
Мне мерещатся камни рунные.
Тогда я вскакиваю, бегу к окну
И подставляю грудь междузвездным ветрам.
Пишу безнадежных словечек строку,
Думаю час над великим ответом.
После падаю в свой диван,
Купируя сном болевую травму.
Когда-нибудь лопну от старых ран,
Вспоминая любимую маму

* * *

Негромкий колокол будит сердце,
Рядом с тропинками я сижу
И сам выдумываю килогерцы
И берегу огурец ежу.
Белая церковь, в которой я не был,
Веселые люди ходят мимо,
Голубеет обманом славное небо,
И кто-то мне шепчет на ушко: "Любимый".
Я кушаю вишню и пью газировку,
Одуванчики больше твоих подсолнухов,
Облачка плывут, я гляжу не робко
На травы молодильной ворохи.

* * *

В башне на ледоколе стоит, глядит.
Кровь убитых бельков ледники багрят.
Полюс уж ждёт, скинув на пол одежды,
А корабль прозрачное режет.
Медведи бегут за тюленьим мясом.
Киты офигели и ходят плясом.
Спутник упорно следит за движением,
Субмарина шакалит радарным зрением.
Реакторы, бронь, боевые головки.
Сотни матросов и я для массовки.
В рубке принцесса, в парче и золоте.
Мы опять маршируем на холоде.

* * *

О, как зовёт меня грязный асфальт под красивым моим окном,
Чтоб не думать и не страдать, как лишённый пещеры гном.
О, как призывны палаты лечебницы,
Где прожить, умирать все ленятся.
Но самые сильные едят эту пищу,
Которая кактусом в горле, ножом.
Моё животное по подвалам московским рыщет,
Желая позавтракать сраным бомжом.
Мои алкогольные утешения,
Травянистые смены места,
Но когда замечают моё супер-зрение -
Это лестно, ужасно лестно.
И из малых остатков лучшего
Я вылил серебряный сердца слиток,
Полированный тряпицей плюша,
Полной горьких слезливых пропиток.
Никогда мне не быть взаимным,
Не побитым, как бедный бродяга,
А душа хотела быть вечно мирной,
Освобождающей несчастных из лагерей ГУЛАГа.
Вы бы видели, как гибнут утки -
Падают камнем любви на воду.
Так и я наложил бы на правду руки,
Став позором семьи и рода.
Но боюсь показаться слабым,
Очарованным высотой,
Продолжаю писать своей лимфой главы
О Великой и об Одной.

* * *

Кипела игра завихрённых иллюзий,
Как будто вовсе никто не ждёт,
Не ждут любимого щёки, груди,
А только сирена призывно поёт.
В раскрытые уши влетел тот голос,
Пьяный, убитый, подобный зомби,
Я видел, как три великана боролись,
Лились по скале три потока крови.
Я пал и никто не пришёл на помощь,
Я звать отучился за прошлые битвы,
Ведь если найдёшь, то меня заколешь
Под хищные, очень любовные ритмы.
Я клевер сорвал, и теперь повезло,
Четыре лепестка помогли подняться,
Я выхаркал наземь чёрное зло
И шёл к кораблю, продолжая плевать.
Нас три человека, почти забитых,
Но мы помним путь на родимый остров.
Нас лечит медовый волшебный напиток
И мысли о самых прекрасных косах.
Три месяца, три луны и солнца.
Три ярких луча у тебя в короне,
Ты смотришь в одно и то же оконце,
И думаешь лишь о своём герое.
И я приплыву, но не выйдешь встречать,
Дождёшься, когда ототрут мне ногти,
Когда научусь себя в шёлк облачать,
А ворох волос меня не испортит.
И сам отворю дверь твоей светлицы,
Подойду в перстнях, ожерелье, браслетах,
Вдруг встретятся взглядом не спавшие лица,
Как разная жизнь на далёких планетах.
Я вывалю на пол сундук украшений,
Ступлю на них очень мягкой сандалией,
Без увертюры, без прелюдий, вступлений
Завладею точёной талией.
Бесконечность горячих текучих ночей,
Изобилие губ, языков, ладоней,

Колыханье огней восковых свечей -
Всё для той, что скучает и помнит.

* * *

Я питаюсь редчайшим пеплом
Не успевших воскреснуть фениксов.
Постепенно внутри меня греется.
Разгорается пламенем тело.
И потом начинает сжигать,
Поражая все ткани и органы,
Мои лёгкие радостью порваны,
И мне нежность пора отдать.
Но её не берешь, не желаешь.
Я не буду выплёвывать птицу,
С кем попало огнём делится.
Подожду, пока ты оттаешь.
Буду рядом ходить, кругами
Благовоньем в тебя дышать,
Пока ты будешь в муках спать,
Окруженная стариками.
У меня в пристяжном мешочке
Феей подаренная пыльца.
Сохраню ее до конца,
Для твоей золотистой точки.
Да, мы будем летать, кувыркаясь,
Над миром внизу потешаясь,
Когда, наконец, оттаешь...
Напрасно, поэт, ты себя утешаешь!